

*На правах рукописи*



**Квык Александр Валерьевич**

**МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, ИЗБИРАЕМЫЕ ПО ИНИЦИАТИВЕ СУДА НА  
СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата юридических наук

Москва – 2023

Работа выполнена на кафедре уголовного процесса факультета подготовки следователей Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации».

**Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор  
**Бертовский Лев Владимирович**

**Официальные оппоненты:** **Качалова Оксана Валентиновна**  
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия

**Клевцов Кирилл Константинович**  
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

**Ведущая организация:** **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»**

Защита состоится «23» июня 2023 года в 14 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 77.2.001.01, созданного на базе ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» по адресу: 125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12, ауд. 109.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», а также на официальном сайте (<http://academy-skrf.ru>).

Автореферат разослан «\_\_» апреля 2023 года.

Ученый секретарь  
диссертационного совета 77.2.001.01,  
кандидат юридических наук, доцент



Н.Н. Ильин

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы исследования.** Вопросы избрания мер пресечения всегда занимают особое место в науке уголовного процесса, поскольку напрямую связаны как с ограничением прав подозреваемых и обвиняемых, так и эффективностью предварительного расследования. Повышенный интерес к инициативной роли суда при избрании мер пресечения стал проявляться с принятием доктрины либерализации уголовного и уголовно-процессуального законов, которая была сформулирована Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым еще в 2009 г. и выразилась в провозглашении курса экономии мер процессуального принуждения и смягчении применяемых в уголовном судопроизводстве мер пресечения. С указанного времени вопрос реализации выбранного курса неоднократно становился предметом внимания Президента Российской Федерации В.В. Путина в выступлениях перед общественными организациями, представителями силового блока и предпринимательства.

В итоге такой последовательной деятельности правоприменительные органы стали гораздо чаще ходатайствовать перед судами об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения. И если в 2010 г. российскими судами удовлетворено 668 ходатайств следственных органов об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, то в 2021 г. этот показатель составил 6 828 решений; залог как мера пресечения был востребован в гораздо меньшей степени: в 2010 г. он избирался 629 раз, а в 2021 г. – 25 раз; закрепленная в уголовно-процессуальном законодательстве в 2018 г. мера пресечения в виде запрета определенных действий была применена 301 раз, а в 2021 г. – 2 565 раз<sup>1</sup>.

Изменился и подход судов к реализации полномочий избрания более мягких мер пресечения по собственной инициативе при отказе в удовлетворении соответствующих ходатайств органов предварительного расследования. Так, если в 2011 г. судами по собственной инициативе избраны меры пресечения в виде домашнего ареста и залога в количестве 1 345 и 447 решений, что составило 12,20 % от общего количества отказов в удовлетворении судом ходатайств следственных органов, то в 2021 г. количество решений об избрании мер пресечения в виде

---

<sup>1</sup> Здесь и далее статистические сведения приведены по данным сайта Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

домашнего ареста, залога и запрета определенных действий составило 3 549, 71 и 1 125 – 46,85 %.

Вместе с тем возрастающие абсолютные показатели применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения по-прежнему не позволяют говорить о них как о реальной альтернативе заключению под стражу, поскольку процентный показатель их доли от общего числа удовлетворенных судами ходатайств об избрании мер пресечения остается ничтожно малым (за 2015–2017 гг. – 8,22 %), следствием чего и явилось принятие 18 апреля 2018 г. Федерального закона № 72-ФЗ, значительно изменившего предметную составляющую мер пресечения в виде домашнего ареста и залога и закрепившего принципиально новую для российского уголовного процесса меру пресечения в виде запрета определенных действий.

Несмотря на появление широких возможностей возложения на подозреваемых или обвиняемых иных ограничительных мер, нежели лишение их свободы, суды, как отметил Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, до настоящего времени не в полной мере их реализуют, в связи с чем призвал российских судей более активно реализовывать свои полномочия в указанной сфере по делам о ненасильственных преступлениях.

Так, к примеру, исходя из статистических сведений о количестве рассмотренных судебными органами в Российской Федерации уголовных дел о преступлениях в сфере экономики (гл. 22 УК РФ) (2017 г. – 6 409 уголовных дел; 2018 г. – 8 954; 2019 – 9 745; 2020 – 9 293; 2021 г. – 10 681 уголовное дело), а также сведений о количестве удовлетворенных судами по данной категории уголовных дел ходатайств следственных органов о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (2017 г. – в 8,01 % случаев; 2018 – в 5,82; 2019 – в 6,69; 2020 – в 7,69; 2021 г. – в 5,94 % случаев) следует, что за последние пять лет каждый четырнадцатый подсудимый по уголовному делу о преступлениях в сфере экономики в Российской Федерации был заключен под стражу, и при наличии целого ряда альтернативных видов мер пресечения сложившаяся ситуация является недопустимой, на что прямо обратил внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин, указав, что «подобная практика будет прекращена».

Современные реалии, вызванные распространением в условиях переполненных следственных изоляторов коронавирусной инфекции, как среди следственно-арестованных, так и среди лиц, осуществляющих контроль за

исполнением условий применения избранной меры пресечения, также указывают на насущную практическую потребность в рассмотрении возможностей более широкого применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

Сложившаяся обстановка, связанная с недостаточным использованием правоприменителями запретительных возможностей альтернативных заключению под стражу мер пресечения, в том числе и судьями при рассмотрении соответствующих ходатайств следственных органов об избрании наиболее строгой меры пресечения, вызвана отсутствием должных теоретических разработок в рассматриваемой сфере с учетом изменений законодательства, появлением новой меры пресечения в виде запрета определенных действий, а также необходимостью совершенствования существующей нормативной базы о мерах пресечения, что обуславливает актуальность выбранной темы и необходимость комплексного исследования института мер пресечения, избираемых по инициативе суда на стадии предварительного расследования.

**Степень разработанности темы исследования** обусловлена наличием фундаментальных работ российских ученых-процессуалистов, подготовленных в дореволюционный период, таких как А.Ф. Кистяковский, В.Д. Кузьмин-Караваев, П.И. Люблинский, работ советского периода А.Д. Бурякова, П.М. Давыдова, З.З. Зинатулина, З.Ф. Ковриги, В.М. Корнукова, Ю.Д. Лившица, М.С. Строговича, М.А. Чельцова, и др., а также исследованиями современных авторов, таких как Ф.Н. Багаутдинов, А.С. Барабаш, А.И. Бастрыкин, В.П. Божьев, Б.Б. Булатов, В.М. Быков, Е.Г. Васильева, Л.А. Воскобитова, Б.Я. Гаврилов, Л.В. Головкин, Е.В. Гусельникова, К.Ф. Гуценко, З.Д. Еникеев, О.В. Качалова, Ф.М. Кобзарев, Н.Н. Ковтун, Н.А. Колоколов, А.В. Кудрявцева, А.М. Ларин, Д.А. Лисков, В.З. Лукашевич, В.А. Михайлов, Т.Г. Морщакова, В.В. Николук, Ю.Г. Овчинников, И.Л. Петрухин, Н.В. Ткачева, И.Л. Трунов, Л.К. Трунова, О.И. Цоколова, А.С. Червоткин, А.Б. Чичканов, С.П. Щерба и др.

В диссертационных исследованиях данная тема получила отражение в работах, касающихся вопросов избрания и применения мер пресечения в виде домашнего ареста, залога и запрета определенных действий, таких как: Ю.Г. Овчинников «Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе» (Омск, 2006), В.А. Светочев «Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации» (Калининград, 2009), С.В. Богданчиков «Залог в уголовном судопроизводстве» (М., 2009), В.В. Климов «Законность и

обоснованность применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России» (М., 2012), С.В. Колоскова «Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика» (Нижний Новгород, 2014), Ю.Ю. Ахминова «Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования» (Санкт-Петербург, 2018), Ю.В. Царева «Залог как мера пресечения в уголовном процессе России: доктрина, юридическая техника, правоприменительная практика» (Нижний Новгород, 2018), О.Д. Вастьянова «Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России» (Омск, 2022).

Кроме того, отдельные аспекты выбранной темы исследования были изучены в ряде работ других авторов: Н.А. Колоколов «Судебный контроль в стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти: проблемы осуществления в условиях правовой реформы» (М., 1998), Л.К. Трунова «Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе» (М., 2002), О.И. Цоколова «Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе» (М., 2007), О.Г. Иванова «Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания» (Томск, 2019).

При несомненном достоинстве работ указанных авторов все они затрагивали выбранную тему исследования лишь частично и были выполнены, в подавляющем большинстве, до внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ, существенно преобразившим и дополнившим перечень альтернативных заключению под стражу видов мер пресечения. Комплексного современного исследования вопросов избрания мер пресечения по инициативе суда и особенностей их применения до настоящего времени не было.

**Цель и задачи исследования.** Целью настоящего диссертационного исследования является разработка научных положений и практических рекомендаций в области совершенствования оснований и процессуального порядка избрания и применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения по инициативе суда на стадии предварительного расследования путем комплексного, всестороннего подхода на основе действующего отечественного и

зарубежного законодательства, судебно-следственной практики и имеющихся научных работ.

Поставленная цель предопределила необходимость решения следующих задач:

– дать понятие «альтернативных видов мер пресечения», выделить их исторические и теоретические основы, провести анализ современного зарубежного законодательства о мерах пресечения на предмет выявления общих черт и различий в правовом регулировании;

– исследовать категории судебной инициативы на стадии предварительного расследования и судебной ситуации при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения, выявить их сущность и значение;

– проанализировать современные законодательные положения об основаниях и условиях избрания мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста, разработать классификацию оснований для избрания мер пресечения исходя из критерия индивидуализации меры пресечения применительно к конкретной судебной ситуации;

– выделить и рассмотреть формы судебных ситуаций, складывающихся в связи и по поводу процессуального избрания мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста по инициативе суда;

– сформулировать предложения по повышению эффективности применения меры пресечения в виде залога;

– проанализировать виды запретительных мер, возлагаемых на подозреваемого (обвиняемого) в рамках запрета определенных действий, залога и домашнего ареста, определить перспективы совершенствования законодательства в указанной сфере для повышения эффективности применения указанных мер пресечения.

**Объектом** диссертационного исследования являются уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся в связи с деятельностью участников уголовного судопроизводства по поводу избрания по инициативе суда и последующего применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения. **Предметом** настоящего исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие деятельность участников уголовного судопроизводства в связи и по поводу избрания судом по собственной инициативе мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и

домашнего ареста, научные разработки в указанной области, а также материалы правоприменительной практики.

**Научная новизна диссертации** заключается в том, что автором, одним из первых, на монографическом уровне с учетом последних изменений уголовно-процессуального законодательства проведен комплексный и системный анализ альтернативных заключению под стражу мер пресечения с позиции инициативной роли суда при их избрании, закрепленной как в уголовно-процессуальном законодательстве, так и выраженной в последовательной реализации президентской доктрины о либерализации уголовно-процессуального закона, сформулированной в 2009 г.

Кроме того, новизна научного исследования обусловлена принятием Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ, закрепившего принципиально новую меру пресечения в виде запрета определенных действий и существенно преобразившего меры пресечения в виде домашнего ареста и залога.

**Теоретическая и практическая значимость** настоящего исследования состоит в том, что результаты данной работы вносят свой вклад в развитие науки уголовного процесса, в том числе в вопросы о порядке избрания и применения мер пресечения, и могут быть использованы в учебном процессе при изучении дисциплины «Уголовный процесс», приняты во внимание в процессе совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства, а также следственной и судебной практики в части избрания альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

**Теоретической основой диссертационного исследования** послужили труды представителей науки уголовно-процессуального права по теме выбранного исследования в виде диссертаций, монографий, научных статей, докладов и тезисов, а также иных опубликованных материалов. Нормативную правовую базу составили Конституция РФ, действующее российское уголовно-процессуальное и иное законодательство, нормативные правовые акты зарубежных стран, решения Конституционного Суда РФ, постановления и определения Верховного Суда РФ, относящиеся к предмету исследования.

**Эмпирическую базу исследования** составили результаты изучения 264 уголовных дел, производство по которым осуществлялось в период 2014–2022 гг., в ходе расследования которых принимались решения об избрании и продлении срока применения домашнего ареста, залога и запрета определенных действий, а

также об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на указанные менее строгие. В процессе исследования проведено анкетирование 183 следователей и руководителей следственных органов, 86 сотрудников ФСИН, 42 судей.

**Методология и методы исследования.** Методологическую основу исследования составляют философский метод познания диалектического материализма, заключающийся в рассмотрении предмета познания в его непрерывном развитии, изменениях и связи с другими явлениями, а также общенаучные и частнонаучные методы познания: формально-логический (индуктивный, дедуктивный, анализ и синтез), логико-юридический и лексического контента, используемые при написании работы для выявления сущности рассматриваемых вопросов и формирования авторских понятий, метод интерпретаций, позволивший выявить признаки фактического применения домашнего ареста еще до момента его законодательного закрепления, метод сравнительного правоведения и исторический метод, применяемые при написании первого параграфа работы, с помощью которых представилось возможным исследовать рассматриваемую тему в исторической последовательности и сравнить современную нормативную модель альтернативных заключению под стражу мер пресечения в России с аналогичными уголовно-процессуальными институтами других стран, а также социологический, статистический методы и метод обобщения практики, реализованные в виде опросов практикующих работников, обобщения имеющегося практического опыта и статистических сведений.

Научную новизну настоящего исследования определяют также нижеприведенные **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Сформулировано авторское понятие «альтернативные виды мер пресечения», под которыми понимаются «предусмотренные законодательством виды мер пресечения, избрание которых допускается уголовно-процессуальным законом вместо меры пресечения, инициированной к избранию органами предварительного расследования», в связи с чем предложена следующая классификация мер пресечения:

- избранные по инициативе органов предварительного расследования;
- альтернативные виды, избранные судом по собственной инициативе при рассмотрении соответствующих ходатайств следственных органов, где законом допускается возможность применения более мягкого вида меры пресечения.

Обосновано положение, что Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ ранее существующая в Уголовно-процессуальном кодексе РФ система мер пресечения, в частности альтернативные заключению под стражу виды, потеряла прежнюю строгость своего иерархического построения ввиду трансформирования залога и появления его разновидностей в виде так называемого «чистого» залога и залога с установлением конкретных запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, изменения сущностного содержания домашнего ареста с частичной изоляции на полную изоляцию в жилом помещении, а также закрепления ранее неизвестной российскому законодателю меры пресечения в виде запрета определенных действий, конкурирующей по своему содержанию с домашним арестом, однако имеющей более лояльный по отношению к подозреваемому (обвиняемому) порядок исчисления и продления сроков применения.

Появление дополнительных видов альтернативных заключению под стражу мер пресечения, а также трансформация ранее известных видов мер пресечения связаны не столько с низким статистическим показателем их применения, но в большей степени – с вниманием законодателя к необходимости индивидуализации применяемых мер пресечения в отношении отдельных категорий подозреваемых (обвиняемых), таких как несовершеннолетние, лица престарелого возраста, представители бизнес-сообщества, лица особого правового статуса и др.

2. Сформулирован вывод, что проявление судом инициативной роли при избрании мер пресечения не свидетельствует о смешении функций участников уголовного судопроизводства. При решении данного вопроса судья находится в конкретной судебной ситуации, под которой предлагается понимать «совокупность сведений из представленных сторонами уголовного процесса материалов, при которых судьей в рамках конкретного судебного заседания подлежит разрешению вопрос об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения», а судебская инициативная деятельность является необходимым элементом в процессе разрешения заявленного ходатайства об избрании меры пресечения, позволяющим оценить и учесть мнение сторон процесса.

3. Сформулирован вывод, что перечисленные в ст. 97 УПК РФ основания не позволяют в должной мере разрешить вопрос об избрании конкретного вида меры пресечения в индивидуальной судебной ситуации, поскольку при их формулировании допущено смешение с целями их избрания, а ценность и эксклюзивность критерия «невозможности применения иной, более мягкой, меры

пресечения», закрепленного в статьях 108, 107, 105.1 УПК РФ как условия применения данных мер пресечения, фактически нивелированы частотой его законодательного использования, что на практике приводит к непрозрачности принимаемых решений об избрании конкретного вида мер пресечения, в связи с чем предложено авторское представление трехзвенной структуры оснований избрания мер пресечения, под которыми следует понимать конкретные фактические сведения, указывающие на реальные намерения лица совершить действия в целях воспрепятствования производству по уголовному делу, подразделив их: на связанные с событием преступления, характеризующие постпреступное поведение лица и опосредованные (непосредственно не связанные с событием преступления и постпреступной деятельностью, а характеризующие социальный статус лица, его физическое состояние и внешние факторы).

Рассмотрение указанных сведений в каждой отдельной судебной ситуации позволяет судье определить, намерен ли обвиняемый (подозреваемый) осуществить действия по воспрепятствованию производству по уголовному делу и какой из видов мер пресечения обеспечит его должное поведение. Появление возможности применения комплекса запретительных мер, собираемых как конструктор в каждой судебной ситуации, применительно к конкретному обвиняемому (подозреваемому) в рамках домашнего ареста, залога или запрета определенных действий предопределяет вектор более активного применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

4. Выделены формы судебных ситуаций проявления инициативной роли суда в процессе избрания мер пресечения, в рамках которых и реализуется функция судебного контроля за законностью и обоснованностью применяемой в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения. Возросшие с 12,20 % в 2011 г. до 46,85 % в 2021 г. показатели инициативного принятия судами решений об избрании домашнего ареста, залога или запрета определенных действий при отказе в удовлетворении ходатайств органов предварительного следствия о применении заключения под стражу, а также соотношение показателей общего количества решений об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения по инициативе суда и инициативе органов предварительного расследования, которое к 2021 г. составило 42,20 к 57,80 %, убедительно свидетельствуют о высокой роли суда при решении вопроса об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

Вместе с тем сосредоточение сторон на доказывании суду необходимости применения конкретного вида меры пресечения приводит к тому, что вопрос о видах налагаемых запретов при избрании судом альтернативной заключению под стражу меры пресечения остается без обсуждения, в связи с чем в 94,55 % случаях суды склонны устанавливать все виды запретов, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, не индивидуализируя их к конкретному подозреваемому (обвиняемому), роду его занятий и потребностям.

Проведенный анализ порядка избрания мер пресечения и продления срока их применения показал несовершенство модели взаимодействия между поднадзорным (в лице следователя) и надзирающим (в лице прокурора) органами, в связи с чем, в целях недопущения различных позиций указанных органов по вопросам вида применяемой меры пресечения, что негативно влияет на эффективность всего уголовного судопроизводства, полагаем необходимым внесение изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство об обязательности получения следователем помимо согласия руководителя следственного органа согласия прокурора для избрания в судебном порядке меры пресечения и продления срока ее применения, что должно найти отражение в виде соответствующей резолюции на постановлении следователя.

5. Доказано, что современное законодательное закрепление меры пресечения в виде залога позволило реализовать принцип «конструктора» в создании условий применения меры пресечения, а именно возможность одновременного ограничения как личных, так и имущественных прав подозреваемого или обвиняемого, что, безусловно, должно сдвинуть с «мертвой точки» статистические показатели применения данного вида меры пресечения. Вместе с тем, сформулированы перспективы развития данной меры пресечения, заключающиеся в том, чтобы изменить порядок избрания залога с судебного на внесудебный, оставив необходимость получения судебной санкции только при избрании залога с установлением запретов определенных действий, закрепить на законодательном уровне возможности наложения имущественных взысканий на предмет залога, для чего потребуется разрешить допуск в качестве залогодателя только самого подозреваемого (обвиняемого), а также закрепить на законодательном уровне исключительно денежный вид залога, что упростит порядок его применения и станет стимулом для развития и становления так называемых «профессиональных

залогодателей», предоставляющих подозреваемому или обвиняемому сумму займа для ее внесения в качестве залога.

6. Сформулирован вывод, что посредством применения системы запретительных мер возможно создать наиболее рациональную и оптимальную модель ограничений для подозреваемого или обвиняемого в рамках меры пресечения, при которой, с одной стороны, будет обеспечено его надлежащее поведение, с другой – не будет допущено неоправданного ограничения конституционных прав лица. При этом перечень таких мер, с целью недопущения неоправданного вмешательства в конституционные права человека на этапе правоприменения, все-таки должен оставаться закрытым и конкретно определенным, хотя с расширением практики использования альтернативных заключению под стражу мер пресечения он будет расширяться и дополняться новыми запретами путем внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Система контроля за соблюдением установленных подозреваемому или обвиняемому запретов, напротив, нуждается в коренном преобразовании и формировании новых, автоматизированных систем контроля, одной из которых могла бы стать система голосовой идентификации, внедрение которой позволило бы не только разгрузить сотрудников территориальных подразделений ФСИН России от несвойственной им ранее деятельности в виде личного посещения подконтрольных лиц, но и создать прочную основу для последующего развития и эффективного применения средств контроля.

7. С целью реализации основных выводов диссертационного исследования выработаны дополнительные предложения по изменению действующего законодательства в указанной сфере:

1) пандемия, вызванная распространением коронавируса Covid-19, оказывала прямое влияние на виды избираемых на практике мер пресечения, а также на решения по отдельным уголовным делам, в связи с чем предложено закрепить наличие подобных обстоятельств в ст. 99 УПК РФ применительно к обстоятельствам, учитываемым при избрании мер пресечения, и сформулировать ее следующим образом: «При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также тяжесть преступления,

**санитарно-эпидемиологическая ситуация** (выделено нами. – *Авт.*), сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства»;

2) изученные и проанализированные изменения в главе 13 УПК РФ позволили сделать вывод о необходимости изменения иерархического положения новой меры пресечения в виде запрета определенных действий в системе мер пресечения со ст. 105.1 на ст. 106.1 УПК РФ по причине ее большей строгости по отношению к залoгу, выраженной в превалировании ограничительных мер личных прав над ограничением прав имущественных;

3) ввиду чрезмерно активного закрепления законодателем критерия «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» в нормах уголовно-процессуального законодательства (ч. 1 ст. 105.1, ч. 1 ст. 107, ч. 1 ст. 108 УПК РФ) его значение стало нивелироваться. Учитывая, что назначение уголовного судопроизводства в виде защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод обязывает сторону обвинения избирать только такую меру пресечения, применение которой необходимо для достижения должного порядка производства по уголовному делу (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), а также принцип иерархического построения системы мер пресечения в ст. 98 УПК РФ, закрепление критерия «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» применительно к наиболее строгой мере пресечения в виде заключения под стражу допустимо и оправданно, однако дублирование данного понятия применительно к домашнему аресту и запрету определенных действий является нецелесообразным, в связи с чем предлагается исключить его из диспозиций ч. 1 ст. 105.1 и ч. 1 ст. 107 УПК РФ;

4) поскольку применение запрета определенных действий имеет под собой целью предоставление лицу ряда свобод для осуществления профессиональной, учебной или иной деятельности при наличии ряда ограничений, тогда как итоговой целью домашнего ареста является изоляция лица от общества в жилом помещении, условия и ограничительные меры, налагаемые на лицо в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий значительно более лояльны, чем условия содержания лица под домашним арестом, в связи с чем предлагается изменить и порядок зачета срока применения запрета определенных действий с запретом покидать жилище по сравнению с порядком зачета срока применения домашнего ареста в общий срок наказания и засчитывать его из расчета не два, а три дня

применения запрета определенных действий за один день содержания под стражей (лишения свободы), что потребует внесения изменений в ч. 10 ст. 109 УПК РФ и ч. 3.4 ст. 72 УК РФ;

5) объединить запретительные меры, изложенные в пунктах 3, 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, и изложить запрет в следующей редакции: «общаться с определенными лицами, в том числе посредством средств связи, и использовать информационно-телекоммуникационные сети»;

б) поскольку в решении суда об избрании меры пресечения с установлением запретов, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ, невозможно предусмотреть всех случаев исключений и бытовых потребностей лица при применении данной меры пресечения, предлагается изменить существующий порядок принятия решения об изменении условий применения установленных подозреваемому или обвиняемому запретов с судебного на внесудебный, наделив следователя полномочиями принимать такие решения исключительно в сторону смягчения указанных условий, при наличии обоснованного ходатайства стороны защиты либо без такового по собственному усмотрению.

**Степень достоверности и апробация результатов исследования.** Диссертация подготовлена на кафедре уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, где проведены ее обсуждение и рецензирование.

Основные результаты исследования опубликованы в двадцати пяти научных статьях общим объемом 8,22 а.л., в том числе десять – в ведущих рецензируемых изданиях, входящих в список рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации, одна статья опубликована в журнале, индексируемом в Scopus. Теоретические и прикладные положения диссертационного исследования также докладывались диссертантом в рамках научно-практических конференций.

Основные положения диссертационного исследования внедрены в учебный процесс Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, Дальневосточного юридического института Университета прокуратуры Российской Федерации и практическую деятельность следственных подразделений Следственного комитета РФ по Приморскому и Алтайскому краям, по Амурской области и г. Санкт-Петербургу, прокуроров отдела по надзору за исполнением законов в таможенной сфере, процессуальной и оперативно-

розыскной деятельностью Дальневосточной транспортной прокуратуры, а также судей Фрунзенского районного суда г. Владивостока и Приморского краевого суда.

**Структура диссертации** состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

## **ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ**

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается степень научной разработанности, объект и предмет исследования, его цели и задачи, рассматриваются методологическая, теоретическая, эмпирическая основы, нормативная база исследования, указаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость, выделены положения, выносимые на защиту, указаны сведения об апробации результатов исследования.

Глава 1 **«Общая характеристика альтернативных заключению под стражу мер пресечения, значение судебной инициативы при их избрании»** состоит из двух параграфов. В параграфе 1 **«Альтернативные заключению под стражу меры пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве: генезис, понятие и характеристика»** дан анализ исторического пути развития альтернативных заключению под стражу мер пресечения с точки зрения этапов доправового и правового регулирования в России, рассмотрено законодательство о мерах пресечения Франции, Республики Южная Корея, Японии, КНР и США, в которых в качестве альтернативы заключению под стражу используется комплекс ограничительных мер, сходных по своему содержанию с элементами российских мер пресечения в виде домашнего ареста, залога, запрета определенных действий и поручительства, а также проанализировано законодательство стран постсоветского пространства, характеризующееся направленностью на использование комплексных ограничительных и запретительных мер при применении домашнего ареста или залога как альтернативы содержанию под стражей.

В параграфе сформулировано понятие «альтернативные виды мер пресечения» как предусмотренные законодательством виды мер пресечения, избрание которых допускается уголовно-процессуальным законом вместо меры пресечения, инициированной к избранию органами предварительного расследования, предложена их классификация в зависимости от порядка их избрания, а также дана их характеристика, и установлено, что изменения,

внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ, трансформировавшим меру пресечения в виде залога на залог без возложения на подозреваемого или обвиняемого дополнительных запретов и залог с возложением таковых, закрепившим совершенно новую меру пресечения в виде запрета определенных действий, которая конкурирует по своему содержанию с домашним арестом, и изменившим сущностное содержание домашнего ареста с частичной изоляции на полную изоляцию в жилом помещении, повлияли на индивидуальный характер альтернативных заключению под стражу видов мер пресечения, который стал значительно менее выраженным, а сама система мер пресечения в российском уголовном процессе потеряла свою стройность и однозначное иерархическое построение, что обусловило наличие обоснованных сомнений относительно правильности определенного законодателем места запрета определенных действий в системе мер пресечения, расположенного по своей строгости ниже залога, и необходимости расположения данного вида меры пресечения, учитывая характер запретительных мер, выраженный в возможности ограничения времени и места передвижения подозреваемого (обвиняемого), непосредственно после домашнего ареста.

В параграфе 2 **«Судебная инициатива на стадии предварительного расследования, ее значение при избрании мер пресечения»** рассмотрены вопросы реализации принципа состязательности при рассмотрении в судебном порядке ходатайства об избрании меры пресечения, а также пределах судебной инициативы при принятии данного решения с точки зрения нахождения судьи в конкретной «судебной ситуации», под которой предложено понимать «совокупность сведений из представленных сторонами уголовного процесса материалов, на основании которых судьей в рамках конкретного судебного заседания подлежит разрешению вопрос об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения».

Глава 2 **«Особенности уголовно-процессуального регулирования мер пресечения, избираемых по инициативе суда на стадии предварительного расследования»** состоит из двух параграфов. В параграфе 1 **«Основания и условия избрания мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста»** проанализированы нормативные основы и теоретические положения об основаниях и условиях избрания мер пресечения и предложено авторское видение трехзвенной структуры оснований избрания мер пресечения, под которыми следует понимать конкретные фактические сведения, указывающие на

реальные намерения лица совершить действия в целях воспрепятствования производству по уголовному делу, подразделив их: на связанные с событием преступления, характеризующие постпреступное поведение лица и опосредованные (непосредственно не связанные с событием преступления и постпреступной деятельностью, а характеризующие личность лица и внешние факторы, в числе которых следует рассматривать и санитарно-эпидемиологическое состояние в стране или отдельно взятом регионе, сложившееся, к примеру, в связи с пандемией коронавирусной инфекции).

При рассмотрении положений статей 105.1, 107, и 108 УПК РФ диссертантом обращено внимание на дублирование в них критерия «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» как обязательного при избрании мер пресечения в виде запрета определенных действий, домашнего ареста и заключения под стражу, что нивелирует его ценность и, как следствие, исключительность и на практике приводит к фактическому копированию правоприменителями обстоятельств, которые обуславливают наличие данного критерия. В связи с чем, исходя из принципа, закрепленного в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства в виде защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод, данный критерий предложено оставить в качестве нормативно закрепленного исключительно для избрания наиболее строгой меры пресечения в виде заключения под стражу.

В параграфе 2 **«Процессуальный порядок избрания мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста по инициативе суда»** на основе анализа действующего законодательства диссертантом выделены конкретные судебные ситуации, в рамках которых возможно проявление инициативной роли суда при избрании альтернативных видов мер пресечения, где в ходе анализа первой и самой статистически распространенной ситуации при рассмотрении ходатайства следственных органов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу за период с 2011 по 2021 гг. выявлен рост инициативного принятия судами решений об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения с 12,20 до 46,85 %, что позволяет говорить о возрастающей роли суда при решении данного вопроса, однако сосредоточение сторон на доказывании суду необходимости применения конкретного вида меры пресечения приводит к тому, что вопрос о видах налагаемых запретов при избрании судом альтернативной заключению под стражу меры пресечения остается без обсуждения, в связи с чем в 94,55 % случаях

суды склонны устанавливать все виды запретов, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, не индивидуализируя их к конкретному подозреваемому (обвиняемому), роду его занятий и потребностям.

Кроме того, в параграфе рассматриваются положения законодательства и практические примеры, допускающие возможность избрания в ходе судебного заседания следователем, как поднадзорного прокуратуре участника уголовного судопроизводства, и самими прокурором различных позиций по вопросу вида меры пресечения, подлежащей избранию в отношении подозреваемого или обвиняемого, а также количества и видов запретов, подлежащих возложению на него, в результате чего сделан вывод о негативном влиянии подобного «состязательного» элемента на эффективность всего уголовного судопроизводства.

**Глава 3 «Отдельные проблемы применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста»** состоит из двух параграфов.

В параграфе 1 **«Применение меры пресечения в виде залога, проблемы повышения его эффективности»** рассмотрены виды судебных ситуаций при избрании залога, разделяющиеся на избрание залога по инициативе суда как первоначальной меры пресечения при отказе в удовлетворении ходатайства органов расследования об избрании более строгих мер пресечения мер и как последующей при отказе в продлении сроков применения указанных выше мер пресечения.

С принятием Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ залог стал первой мерой пресечения, в которой при установлении запретов определенных действий реализован принцип «конструктора» ограничительных мер, а именно возможность одновременного ограничения как личных, так и имущественных прав подозреваемого или обвиняемого, однако статистические показатели применения залога с указанного времени остались на крайне низком уровне (в 2019 г. залог применялся 77 раз; в 2020 – 244; в 2021 г. – 25 раз).

Обращаясь к проблемам повышения эффективности залога, диссертант полагает необходимым имплементировать уголовно-процессуальный опыт Республики Казахстан в возможности взыскания штрафа как меры наказания за совершенное преступление и наложения иных имущественных взысканий (о возмещении причиненного совершением преступления ущерба, процессуальных издержек, обеспечении гражданского иска, конфискации имущества) на предмет внесенного залога, для чего дополнительно признать в ч. 1 ст. 106 УПК РФ в качестве залогодателя только самого подозреваемого или обвиняемого.

Кроме того, поскольку применение залога, как меры пресечения, является неосуществимым без желания самого подозреваемого (обвиняемого) предлагается изменить порядок избрания залога с судебного на внесудебный, оставив необходимость получения судебной санкции только при избрании залога с установлением запретов определенных действий, а сам предмет залога предлагается заменить исключительно на денежный вид, что упростит порядок его применения и станет стимулом для развития и становления института так называемых «профессиональных залогодателей», выдающих залоговые займы под определенный процент.

При рассмотрении параграфа 2 **«Особенности применения запретов, установленных судом при избрании мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста, проблемы контроля за их соблюдением»** отмечено, что система запретительных мер, ранее предусмотренная в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста, в настоящее время позволяет при применении альтернативных заключению под стражу мер пресечения создать наиболее рациональную и оптимальную модель ограничений для подозреваемого или обвиняемого, при которой, с одной стороны, будет обеспечено его надлежащее поведение, с другой – не будет допущено неоправданного ограничения конституционных прав лица.

Указанный перечень запретительных мер носит закрытый характер и по сравнению с ранее действовавшими ограничительными и запретительными мерами, применявшимися в рамках домашнего ареста, дополнен запретом на нахождение лица в определенных местах или ближе определенного расстояния от конкретных объектов и участие в определенных мероприятиях, а также запретом на право управления транспортным средством при условии связанности совершенного преступления с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

При этом следует согласиться с позицией законодателя об отказе от открытого перечня запретительных мер первоначально закрепленного в проекте Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста», допускающего возможность суда запрещать «совершение иных действий, не связанных с изоляцией в жилище, которые могут повлечь последствия, указанные в части первой статьи 97 УПК РФ», поскольку

открытый перечень запретительных мер создает возможность определенной бесконтрольности в их формулировании и, как следствие, применении.

При рассмотрении запретительных мер отмечен ряд проблем, связанных с их правовой регламентацией и эффективностью их применения. В частности контроль за применением меры запретительного характера, связанной с ограничением доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет в настоящее время фактически невозможен, поскольку установление точки доступа Wi-fi технически осуществимо в соседнем помещении с предоставлением прав доступа к информационно-телекоммуникационным сетям через смартфоны, компьютеры, планшеты и даже электронные книги, а система контроля за нахождением лица в конкретном месте связана с задействованием большого объема сил территориальных подразделений ФСИН России, в связи с чем предложено формировать новые, автоматизированные системы исполнения установленных запретительных мер, в том числе в виде системы голосовой идентификации лица, возлагая финансовые затраты на ее установку на подозреваемого (обвиняемого), в случаях, когда указанная мера пресечения избирается по ходатайству стороны защиты. Это позволило бы не только разгрузить сотрудников территориальных подразделений ФСИН России от несвойственной им ранее деятельности, но и создать прочную основу для последующего развития и эффективного применения средств контроля.

В **заключении** подведены итоги диссертационной работы, сформулированы основные теоретические и практические выводы, направленные на совершенствование действующего законодательства, повышение эффективности его реализации в правоприменительной деятельности и развитие науки уголовного процесса в области исследований вопросов применения мер пресечения.

**Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:**

*Статьи, опубликованные в журналах, которые включены в перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций*

1. Квык, А. В. Процессуальные аспекты установления ограничений на использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста и проблемы их исполнения / А. В. Квык // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* – 2016. – № 2. – С. 80–82 (0,36 а.л.).

2. Квык, А. В. О справедливости зачета срока содержания под домашним арестом в общий срок наказания в виде лишения свободы: исторические предпосылки, современное состояние / А. В. Квык // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 3. – С. 92–95 (0,41 а.л.).

3. Квык, А. В. К вопросу обеспечения безопасности подозреваемого (обвиняемого) в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста / А. В. Квык // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 4. – С. 91–93 (0,23 а.л.).

4. Квык, А. В. Система средств контроля над нахождением подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом нуждается в коренном преобразовании / А. В. Квык // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – № 1. – С. 76-80 (0,36 а.л.).

5. Квык, А. В. К вопросу о несовершенстве системы средств контроля за нахождением подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом / А. В. Квык // Российский следователь. – 2017. – № 4. – С. 24–26 (0,29 а.л.).

6. Квык, А. В. О современных возможностях повышения эффективности применения меры пресечения в виде домашнего ареста / А. В. Квык // Российский следователь. – 2017. – № 16. – С. 16–18 (0,30 а.л.).

7. Квык, А. В. Критерий невозможности применения более мягкой меры пресечения при избрании заключения под стражу: теоретический и практические аспекты / А. В. Квык // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 180–183 (0,35 а.л.).

8. Квык, А. В. Как суды рассматривают ходатайства защитников о замене заключения под стражу на залог / А. В. Квык // Уголовный процесс. – 2018. – № 4. – С. 57–59 (0,28 а.л.).

9. Квык, А. В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения / А. В. Квык // Уголовный процесс. – 2018. – № 7. – С. 34–39 (0,46 а.л.).

10. Квык, А. В. Пандемия Covid-19 как повод для избрания альтернативных заключению под стражу мер пресечения / А. В. Квык // Уголовный процесс. – 2020. – № 7. – С. 40–44 (0,33 а.л.).

11. Бертовский, Л. В. Новая система альтернативных заключению под стражу мер пресечения: первые результаты применения, перспективы развития / Л. В. Бертовский, А. В. Квык // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – № 2 – С. 242–255 (1,26 а.л.).

*Публикации в прочих научных изданиях*

12. Квык, А. В. Пандемия Covid-19 как обстоятельство, учитываемое при избрании меры пресечения / А. В. Квык // Уголовная политика в сфере обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и использования современных технологий: мат-лы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. (Красноярск, 13–14 ноября 2020 г.) – Красноярск, 2020. – С. 44–49 (0,30 а.л.).

13. Квык, А. В. Перспективы применения видеоконференц-связи при рассмотрении судом вопросов об избрании мер пресечения / А. В. Квык // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы: мат-лы II Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. (Красноярск, 26 февраля 2021 г.). – Красноярск, 2021. – С. 147–151 (0,29 а.л.).

14. Квык, А. В. Эволюция запретительных (ограничительных) мер в рамках альтернативных заключению под стражу мер пресечения / А. В. Квык // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 18–19 июня 2021 г.). – Красноярск, 2021. – Ч. 2. – С. 60–63 (0,25 а.л.).

15. Квык, А. В. Система голосовой идентификации как перспективное средство контроля за исполнением запретов при применении мер пресечения / А. В. Квык // Проблемы восстановления прав потерпевших от преступлений в уголовной политике РФ: мат-лы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. (Красноярск, 22–23 октября 2021 г.). – Красноярск, 2021. – С. 68–72 (0,26 а.л.).